
Научная статья
УДК 398.1+395
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

**МОТИВ СВАТОВСТВА И ЖЕНИТЬБЫ В ПРЕДАНИЯХ
ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА. РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ
(сопоставительный анализ на материалах разных жанров фольклора)**

Ляна Адамовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гугова, 2023

Аннотация. Статья посвящена изучению характера отражения мотивов сватовства и женитьбы в историко-героическом эпосе адыгов (черкесов). Основной целью работы является установление роли названных мотивов как ключевых, вокруг которых нередко формируются циклы из песен и преданий младшего эпоса, а также исследование особенностей их художественного отражения. Делается попытка определения доли соответствия описаний в эпических циклах с этнографическими сведениями. В качестве сравнительного материала привлекаются произведения других жанров адыгского фольклора, в которых отражены сватовство и женитьба как основная или второстепенная сюжетная линия. К примеру, в архаическом эпосе на фоне основного подвига в некоторых случаях женитьба остается на второй план. Таковы сказание (пшинатль) о кровной мести героя из цикла о нарте Ашамезе, а также прозаический вариант сказания о незнакомом госте в цикле о Шайее. В сказке налицо большее функциональное разнообразие: в ней мотив добывания невесты может быть представлен и как основной сюжетобразующий компонент, и как сопутствующий. В статье предлагается объяснить характер данного явления уровнем осознанности вымысла: эпический нарратив, воспринимающийся как повествование о реальном событии, более ограничен в допущении разнообразия, а сказка в силу своих жанровых особенностей позволяет исполнителю проявить всё богатство фантазии.

Ключевые слова: архаический эпос, сказка, система условностей, корреляция, сватовство, женитьба, художественный контекст, историко-героический эпос, предание, песня, герой

Для цитирования: Гугова Л. А. Мотив сватовства и женитьбы в преданиях историко-героического эпоса. Реальность и вымысел (сопоставительный анализ на материалах разных жанров фольклора) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 114–122. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

Original article

**THE MOTIVE OF MATCHMAKING AND MARRIAGE IN THE LEGENDS
OF THE HISTORICAL AND HEROIC EPIC. REALITY AND FICTION
(comparative analysis based on materials from different genres of folklore)**

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2023

Abstract. The article is devoted to the study of the nature of the reflection of motifs of matchmaking and marriage in the historical and heroic epic of the Adyghs (Circassians). The main purpose of the work is to establish the role of these motifs as key ones, around which cycles of songs and legends of the younger epic are often formed, as well as to study the features of their artistic reflection. An attempt is made to determine the proportion of correspondence of descriptions in epic cycles with ethnographic information. As a comparative material, works of other genres of Adyghe folklore are involved, which reflect matchmaking and marriage as the main or secondary storyline. For example, in the archaic epic, against the background of the main feat, in some cases, marriage remains in the background. These are the legend (pshinatl) about the blood feud of the hero from the cycle about the nart Ashamez, as well as a prosaic version of the legend about an unknown guest in the cycle about Shauei. There is a greater functional diversity in the fairy tale: in it, the motive of getting a bride can be presented both as the main plot-forming component and as an accompanying one. The article proposes to explain the nature of this phenomenon by the level of awareness of fiction: the epic narrative, perceived as a narrative about a real event, is more limited in allowing diversity, and the fairy tale, due to its genre features, allows the performer to show all the richness of fantasy.

Keywords: archaic epic, fairy tale, system of conventions, correlation, matchmaking, marriage, artistic context, historical and heroic epic, legend, song, hero.

For citation: Gutova L.A. The motive of matchmaking and marriage in the legends of the historical and heroic epic. Reality and fiction. (comparative analysis based on materials from different genres of folklore). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 114–122. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

Одним из важных этапов жизненного цикла человека является создание семьи, как неотъемлемой части не только личностного роста, но и функционирования всего общества. Видимо, в этом одна из причин того, что мотивы сватовства и женитьбы столь популярны в мировом фольклоре – в эпических сказаниях, сказках, песнях. На адыгском материале эта тема получила наиболее широкое освещение в трудах в области этнографии. В данной области интересны описательно-аналитические исследования Мафедзева С.Х. [Мафедзев 1979], Джандар М.А [Джандар 1991: 15–19], Бгажнокова Б.Х. [Бгажноков 2011: 307–341] и др.. Тексты фольклорных произведений привлекаются ими исключительно в качестве иллюстративного материала как дополнение к этнографическим наблюдениям. Художественная значимость устно-поэтических произведений на отмеченную тему остается до настоящего времени недостаточно освещенной. Специальных работ, посвященных рассмотрению фольклорных произведений на избранную нами тему с точки зрения их художественных достоинств и соотношения в них вымысла и реальности ранее не проводилось. Однако отметим, что роль песен, стихотворных тирад, народных афористических выражений и устойчивых словесных формул, приуроченных к комплексу обрядовых действий сватовства и женитьбы, находит отражение в работах ряда специалистов по фольклору. Вербальное сопровождение свадебной церемонии несет достаточно мощный эстетический потенциал, который превращает ритуал с его магической функцией в некое театрализованное представление с выраженными элементами вне сакрального искусства как органической части единого целого. Более того, в обрядовом цикле сватовства, свадьбы и послесвадебных церемоний, удельный вес эстетической функции в традиционном патриархально-феодальном обществе настолько велик, что их практические функции значительно отстают. Поэтому нельзя не принять во внимание того факта, что фольклор свадебного цикла (включая в это понятие не только словесное искусство, но также и музыку, хореографию, элементы драматургии) имеет свою самостоятельную художественную значимость. С особой выразительностью это проявляется в поэтическом языке песен и благопожеланий с яркими образными выражениями, четкой словесной ритмической организацией и эстетически организованной фоникой. Аналогичным примером являются и фольклорные произведения, в основе которых лежат мотивы сватовства и женитьбы. Что же касается

историко-героического эпоса, в нем мотивы указанной тематики еще более отдалены от сакрализирующей ритуализации, чем в фольклоре самого свадебного цикла.

Следует отметить, что мотив сватовства и женитьбы как центрального сюжетобразующего или второстепенного явления представлен и в архаическом эпосе, и в сказках, и в преданиях, и в песнях. К примеру, в нартских сказаниях событийную основу в большей части составляют мифологические нарративы, в которых, как это ни покажется странным, со всей ясностью проявлены практические функции: герой по своему типу фактически не индивидуальность, а стержневая часть общественного организма, поэтому все его знаковые действия, в том числе и женитьба, социально ориентированы. В сказке акцент делается в пользу фантазийного сюжета, и это открывает возможность для пробуждения интереса к чувствам и переживаниям личности. Благодаря этому даже некоторые канонизированные традицией компоненты свадебного цикла преподносятся в соответствии не столько с традиционными правилами, сколько с законами словесного искусства. Историко-героический эпос связан с реальностью непосредственно, что наиболее близко к традиции. Таким образом, в каждом из случаев описание сватовства и заключения брака призвано соответствовать закономерностям того фольклорного жанра, в котором оно представлено. Однако фактически во всех жанрах сохраняются как универсальные константы такие общепринятые моменты как повод отправления героя на поиски суженой, препятствия, которые необходимо преодолеть герою, сама женитьба и некоторые ключевые эпизоды свадебной церемонии, степень активности самих молодоженов или двух роднящихся сторон. Нашей основной задачей в рамках представляемой статьи, является установление того, какие формы заключения брака у адыгов нашли отражение в контексте историко-героического эпоса, как содержание фольклорного текста соотносится с данными этнографических исследований как достоверных источников бытования тех или иных ритуальных действий традиционного общества. Также для наиболее объективного освещения избранной темы рассматривается художественное отражение обычая и в других жанрах фольклора.

Исследователи традиционной культуры единодушно отмечают, что *официальное сватовство* – наиболее распространенная и принятая за основу форма женитьбы. В нем обычно представлен весь комплекс основных действий соответствующих традиции. Как правило, начальной стадией является возникновение объективных обстоятельств для женитьбы / замужества. Это могут быть и сугубо социально мотивированные обстоятельства (например, династические браки, в которых мнения и настроения будущих молодоженов учитываются в наименьшей степени), и мотив состязательности или же самоутверждения личности путем заключения партии с престижной невестой (своего рода приз, добываемый на состязаниях с другими претендентами), и сугубо личные симпатии молодых людей друг к другу. Далее следуют в регламентированном порядке все предсвадебные и свадебные ритуальные действия: сватовство, достижение договоренностей о сроках и затратах, заключение брака, сама свадьба, послесвадебные церемониальные действия, связанные с породнением стороны жениха со стороной невесты.

Наиболее предпочтительным вариантом заключения брака был признан тот случай, когда молодые по обоюдной договоренности, поручали кому-то из приближенных друзей оповестить о своих намерениях родителей и старших рода (самим молодым оповещать о принятом намерении родных считалось не этичным). До определенного времени не принято было обоим родам оповещать других родственников о предстоящем событии. Также было не принято заранее объявлять имя избранницы, хотя в случае положительного исхода намерений сторона невесты, как и сторона жениха активно готовилась к предстоящим торжествам.

Наряду с этим в традиционном обществе были нередки так называемые браки по расчету, когда браки заключались по инициативе родителей или родовых

старейшин. Участие самих жениха и невесты во всем таком мероприятии было минимально значимым, как это было практически во всех человеческих сообществах на определенной эволюционной стадии. До самой свадьбы молодые люди даже могли не знать друг друга, ибо это не признавалось существенным. В подобных случаях неколебимо властвовал принцип «стерпится – слюбится».

Другой вид заключения брачного союза является альтернативой открытому сватовству – это *умыкание невесты*. Поставив в известность лишь узкий круг людей, юноша умыкал девушку и только после этого оповещал через своих поверенных как своих, так и ее родственников. Такого рода заключение брака избавляло молодых от многих церемониальных условностей, таких как переговоры сватов, вывоз невесты из родного дома и т. д. Правда, при этом был риск и негативной реакции с обеих сторон. Хотя в большинстве случаев умыкание происходило с негласного одобрения старейшин рода и носило театрализованный характер. Вместе с тем, умыкание могло совершаться, как по обоюдному согласию юноши и девушки, так и по желанию только юноши (в этом случае сама невеста могла и не подозревать о намерении молодого человека, не говоря уже о ее родных. Девушка узнавала похитителя только после похищения). Также такого рода заключение брачного союза имело свои причины. К примеру желание молодых воссоединиться вопреки воле родных, либо желание форсировать события во избежание длительных церемоний, а также желание избежать лишних материальных затрат при затяжном сватовстве. Зачастую одной из веских причин умыкания было стремление юноши поступить так, как подобает настоящему рыцарю-наезднику: похитить невесту, привезти ее в свой дом как дорогую добычу. Таким образом, умыкание было одним из проявлений молодечества, поэтому такая форма обретения супруги представлялась даже престижнее, нежели гласное сватовство. Эти и иные обстоятельства приносили свое разнообразие и в последующие действия.

Очень важным фактором при заключении брака было словное соответствие сторон. Хотя в сказках разных народов, в том числе и адыгов, можно встретить сюжеты о том, как герой из низшего сословия женится на дочери князя, короля, хана, в действительности такого не могло произойти. В данном случае очевиден художественный вымысел, так как межсословные союзы крайне не одобрялись. Об этом пишут многие ученые, в их числе Покровский М.В. [Покровский М.В. 1958: 122], Гарданов В.К. [Гарданов 1967], Джимов Б.М. [Джимов 1986]. Адыгское общество имело сложную структуру, согласно которой аристократия и простой народ строго дифференцировались. Брак считался идеальным в том случае, если партнеры были равноправны: князь искал невесту из княжеского рода, дворяне из более низкого сословия рождались соответственно своей иерархической лестнице, вольный крестьянин обычно женился на девушке из семьи свободных крестьян и т.д.

Вот как пишет о приведенном явлении Султан Хан-Гирей: «... брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут из княжеских родов и, равномерно отдают дочерей лишь за княжеских сыновей» [Хан-Гирей 1978: 291]. В то же время нельзя не обозначить тот факт, что большинство княжеских фамилий черкесов либо перероднились, либо имели общее происхождение. Согласно обычаю, у адыгов кровосмешение, то есть – браки между родственниками по крови, решительно осуждались. В таких случаях представители княжеского сословия искали брачные союзы за пределами своего этнического, языкового и ментального происхождения. Так адыгские княжеские фамилии были связаны родством через брачные узы с крымскими, калмыцкими, ногайскими ханскими династиями, с кумыкскими шамхалами, грузинскими княжескими фамилиями. Стоит вспомнить и об известных связях с русской правящей династией (Иван Грозный и Мария Темрюковна), с персидским шахом, турецким султаном. Заметим, что это не спасало страну от многочисленных нашествий и еще более частых и столь же разорительных набегов.

Вместе с тем достаточно частыми были случаи неодобрения брачного союза молодых старейшинами родов. Основным поводом взаимного неприятия могли стать неприязненные личные отношения между роднящимися сторонами, разные иерархические ступени и желание более выгодной партии своему чаду. Иногда воля двух родов и молодых людей, желающих вступить в брак, не совпадала. В адыгском историко-героическом эпосе – это, например, песня и предание о Хасанше Шогемоко. Согласно преданию, юноша по имени Хасанш Шогемоко был влюблен в девушку Дадусю. Чувства молодых были взаимными, и юноша рассчитывал жениться на возлюбленной. Однако родня Дадуси посчитала эту партию невыгодной и, не считаясь с желанием молодых, отдала девушку за сына знатного ногайского хана. Юноша никак не может смириться с таким положением дел. С одной стороны, попираются желания и чувства обоих молодых людей. С другой – безропотно смириться с тем, что его возлюбленную увозит другой претендент, означает утратить престиж в глазах общества. Поэтому у Хасанша Шогемоко фактически нет выбора. Он в одиночку устраивает засаду на пути свадебного кортежа, лихим налетом отбивает свою невесту у целой компании, но все же, будучи не в силах уйти от погони, погибает в неравной схватке. Но в глазах общества его гибель со славой превышает бесславного примирения с долей заурядного обывателя. Возлюбленная героя, впечатленная смелым поступком своего подлинного избранника, проявляет достойное отношение к нему и предпочитает умереть следом за ним. Предложив похоронить погибшего якобы по всем правилам, девушка вызывается опуститься в могильную яму, дабы уложить его тело согласно обычаю, но неожиданно для всех, закалывает себя и остается похороненной рядом с любимым человеком. Со временем над могилой Хасанша и Дадуси вырастают два деревца с переплетенными стволами (в мировом фольклоре и литературе – т.н. мотив Тристана и Изольды) [НПИНА 1986: 126–133, 134–137, 138–141].

Аналогичен сюжет еще одной лиро-эпической песни-баллады, «Адиюх» [Къэбэрдей уэрэхэмрэ... 1948: 62–63; АУ 1979: 67–68]. Эта песня распространена по всей исторической Черкесии и представляет собой переходное явление, от подлинно героико-исторического эпоса к лирическому жанру. Само предание, сопровождающее песню, до нас не дошло. Но, по мнению исполнителей, обрывочные сведения легко просматривающиеся в песенном контексте, позволяют воссоздать целостную картину всего происшедшего. Песня не приурочена к реальному событию, как чаще всего бывает в циклах историко-героического эпоса и сложена в стиле монолога от имени безымянного юноши, который оплакивает свою погибшую возлюбленную по имени Адиюх. Молодые люди испытывающие горячие чувства друг к другу с самого детства, по всей видимости не получили одобрения на брачный союз от родных. Исходя из этих обстоятельств, юноша по договоренности похищает девушку из родительского дома. Так поначалу замысел молодых удастся, и парень выкрадывает Адиюх из окна ее дома и уносит на горячем скакуне. Однако молодые вынуждены бежать, путь их пролегает через лес, где их настигает беда: на дорогу вылетает фазан, громко хлопая крыльями, конь мечется от неожиданности в сторону, девушка падает с коня на землю и разбивается насмерть. Молодой человек, оставшись один со своим горем, от безысходности оплакивает погибшую.

Таким образом, налицо, что «Песня Адиюх» имеет развернутый сюжет. И после каждого трагического стиха с описанием произошедшего, герой повторяет фразу «Уэр си Адиюху» – «О, моя Адиюх», что создает в сочетании с мелодией песни атмосферу замкнутой, трагической безысходности. Герой сетует на то, что ему даже некуда положить тело возлюбленной. Так, если он отнесет ее в свой дом – она в нем будет чужая; если же отвезет в ее отчий дом, то и там она проклята родителями за ослушание; если на землю уложит, то насекомые съедят, а если на верхушку дерева положит – там вороны склюют. Посредством художественной

условности во всей глубине, изливается чувство огромной утраты и осознание того, что для юноши разрушился целый иллюзорный мир, в котором он видел себя вместе со своей любимой.

Переплетение романтики и тревожности обстоятельств, прослеживается в предметно-образном мире песенного текста. К примеру, *черный конь, распахнутое окно*, через которое выходит любимая, *ночная дорога, черная бурка, горячее объятие* и откровенно трагически значимые *окровавленное тело, смерть в объятиях возлюбленного*, бессильного что-либо сделать, *звери, рыщущие по лесу*, всеядные *муравьи*, черные *вороны*. Также в тексте присутствует обилие глаголов, которые тоже можно поделить на две группы. В первую группу следует отнести слова, подразумевающие пылкое чувство: «с малых лет мы *любили*», «с малых лет я о тебе *мечтал*», «о тебе *тосковал*», «коня черного *взнуздал*», «к окну твоему *подскакал*», «ты на коня *прыгнула*», «мы в объятия *бросились*». Ко второй группе относятся наиболее доминирующие глаголы деструктивного содержания: фазан *вылетает*, конь *отлетает*, драгоценная ноша *падает*, *погибает*, *испускает дух* в объятиях. Всю представленную систему образов пронизывает рефрен: «Куда, куда же я тебя дену». Вполне очевидно, что речь идет не просто о мертвом теле, а о том, как жить дальше лирическому герою, на которого обрушилось такое несчастье и все его мечты, которые он бережно хранил в памяти с самого детства до настоящего времени, увенчались таким трагическим событием. Таким образом, резкий контраст между светлым, искренним человеческим чувством и суровой реальностью бытия, между иллюзорными надеждами и нелепой случайностью породило песенный сюжет.

Другую группу формы заключения брака образуют случаи брачного союза *без учета мнения самих молодых людей*. Такое происходило без участия молодых, согласно договоренности между родителями или близкими родственниками. Как и другие формы заключения брака, этот способ имеет свои варианты. Самый распространенный – это решение старших (родителей, старших рода и т.д.) выдать дочь, племянницу или сестру за определенного, подходящего человека или женить сына, племянника младшего брата на такой-то. Молодые вынуждены были повиноваться решению старших. На наш взгляд этот вид брака наиболее устарелый, когда брак являлся решением кланов. Так, к примеру, в архаическом эпосе запечатлен подобный вид брака, когда великанша-мать выдавала свою дочь за нарта Канжа. При этом она нисколько не интересовалась волей дочери, а та и не сопротивлялась. Хотя, будучи в замужестве она проявляет свой дикий нрав, во всей полноте [Нарты 1974: 308–310].

Как видим, и архаический эпос дублирует через свои художественные образы традиционную культуру. Такого же рода дублирование можно наблюдать и в сказках, где герой подвергается *инициальным испытаниям* прежде чем жениться. Герой представляется не только как идеал отважного воина наездника, но и проявляет такие свои наилучшие человеческие качества как острый ум, знание тонких правил этикета, верность слову и готовность защищать свою семью, род, землю, свои достоинство и честь. К примеру, в сюжете сказки о Красавице Елене и богатыре-женщине, повествуется о том, как герой обрел жену, но также быстрее ее потерял [Фольклор адыгов 1979: 365–390]. Таким образом, он оказывается в положении человека, который либо должен смириться с положением дел, следовательно, утратить свой авторитет в обществе, либо любыми способами разыскать беглую жену и этим отстоять свое достоинство. Здесь герой подвергается разным испытаниям в результате преодоления которых, он не только восстанавливает свой статус, но и находит новую по-настоящему достойную жену. Как видим, в сказке присутствует контаминация нескольких сюжетов, которые разворачиваются вокруг одного главного героя. Первый – это поиск невесты, ее исчезновение и возвращение. Данный мотив поиска пропавшей жены примечателен тем, что

помимо главного героя Карабатыра, появляется еще и новый герой-помощник, который в дальнейшем играет немаловажную роль в повествовании. Так в схватке за Елену Карабатыр и его спутник проявляют равноценное мужество и решительность. В то же время для героя не так важно вернуть беглянку-жену, как очиститься от позора в случае невыполнения трудной задачи. И как только жена оказывается возвращена, Карабатыр с легкостью соглашается на то, чтобы его спутник поделил ее подобно трофею на равные части, а точнее разрубил бы ее надвое: «... все равно мне с ней нет житья!» [СМОМПК 1891: 61]. Следующий сюжет – это поиски новой, поистине достойной спутницы жизни, которую он получает в качестве своеобразного вознаграждения. Но и здесь герой подвергается своего рода испытаниям. Это и победа над соперником в состязаниях по метанию или толканию камня, и доказательство собственного превосходства над новой супругой, уже после ее приезда дом Карабатыра. Точнее – это скрытое участие в компании наездников под предводительством переодетой молодой жены, в ней неожиданно для себя герой узнает помощника-богатыря, который вместе с ним отвоевывал Елену. Вполне очевидное и доказанное превосходство его над ней приводит к тому, что женщина порывает с прежним образом жизни, больше не облачается в мужскую одежду, перестает заниматься ратными делами и полностью посвящает себя женским обязанностям. В этом сюжете резонно выделить такие компоненты как поиски, сватовство, испытания, женитьба. В данной сказке В. Ф. Миллер находит параллели с гомеровским эпосом, а образ богатыря-женщины – с мировым мотивом «благодарный мертвец» [СУС 1979: 144–146].

Мотив переодевания девушки в мужское облачение обозначен и в предании о женитьбе нарта Шауея. Это повествование по типологической разновидности стоит на стыке нартского эпоса с историко-героическим.

Нарт Шауей, сын Канжа и великанши, подвергается испытаниям со стороны будущей жены, которая переодевшись в мужскую одежду, предлагает ему содержать гостя (то есть себя) на определенных условиях. Далее следует более опасное испытание – участие в походе и бое с великанами [Нарты 1974: 313–318]. Такой же мотив и в сказании «Чачана сын Чачаны» из цикла, посвященного нарту Бадиноко / Шабатыныко. В поисках пропавшего отца он вступает в бой с жестокими великанами, с которыми не могла справиться сама девушка, облаченная в мужскую одежду (или же ее брат), а после удостаивается ее руки [Нартхэр 2002: 209–229, 238–240, 241–278]. Отметим, что в архаическом эпосе чаще встречаются сюжеты, где женитьба происходит по вольному выбору самих молодых людей. К примеру, сказание о нарте Хымыше, который оказавшись в гостях новоявленного кунака из племени карликов-испов, знакомится с его дочерью. Между молодыми людьми возникают взаимные симпатии и по общему согласию они соединятся узами брака [Нартхэр 1970: 16–18, 20–22, 22–23].

Конечно же, приведенными примерами многообразия форм отражения представленного отрезка жизненного цикла не исчерпывается. В то же время, на основании проанализированного материала мы можем себе позволить сделать некоторые выводы.

Прежде всего, уместно заметить, что между достоверными сведениями о формах заключения брака и их фольклорным отражением налицо как совпадения, так и расхождения. Так, случаи официального *сватовства*, *предсвадебных испытаний*, *умыкания* в схожей форме представлены в нартском эпосе и в сказке. Правда, формы объективации могут различаться соответственно жанровой принадлежности. В нартском эпосе мотив женитьбы приближен к архаическому мифу о подвиге героя (*добывание блага* (в данном случае – *невесты*). В сказке на первом месте заданная цель, исходящая либо от старших, либо от кого-то другого, либо вызванная обстоятельствами.

Побудительный мотив в эпосе более реалистичен, так как герои и события не воспринимаются как вымысел. Следовательно, сватовство это комплекс сюжетов

соединяющихся с мотивом добывания или упорядочения пространства путем устранения зла. Герой в эпосе преодолевает такие же трудности что и мифический герой, который приносит людям огонь, отвоевывает пространство о фантастических существ и пр. Таким образом, появляется некая вторичность сюжета акта женитьбы.

В сказке же сватовство и женитьба выступают полноправными сюжетобразующими мотивами. В ней больше очевидна условность, которая характерна общей для сказок разных народов закономерностью. В русском фольклоре эта закономерность обозначена фразой «сказка — ложь, да в ней намек». Эта же фраза указывает на свободу осознанного вымысла.

Действия, описываемые в историко-героическом эпосе, более всего приближены к реальности, а условность занимает в них сугубо подчиненное положение, которое служит непосредственно воспринимаемым эстетическим целям.

В заключении мы приходим к выводу о том, что фольклор как искусство имеет свою систему условностей, основой которых является реальная действительность, пропущенная через художественное восприятие и поэтому не повторяющая ее с фотографической точностью. Причем в каждом жанре эта система имеет такие особенности, которые могут быть сопоставимы с общими тенденциями.

Список источников

АУ 1979 – *Адыгэ уэрэдыжъхэр*. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 // *Адыгские народные песни*. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 67–68. (На кабард.-черк. яз.)

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Базовые принципы и основные условия заключения брака // *Этнография адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 307–341.

Гарданов 1967 – *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 330 с.

Джандар 1991 – *Джандар М. А.* Брак и формы заключения брака // *Песня в семейных обрядах адыгов*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 143 с.

Джимов 1986 – *Джимов Б. М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в 19 в. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1986. 190 с.

Къэбэрдей уэрэдхэмрэ... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ*. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапIэ, 1948. Н. 197 // *Кабардинские песни, пословицы и поговорки*. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1948. 197 с. (На кабард.-черк. яз.)

Мафедзев 2000 – *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай. Традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 359 с.

Нарты 1974 – *Нарты. Адыгский героический эпос*. М.: Наука, 1974. 416 с.

Нартхэр 1970 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Т. IV. Мыекъуапэ: Краснодар къэрал тхылъ тедзапI. 1970. 311 н. / *Нарты 1970: Нарты. Адыгский эпос*. Т. IV. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1970. 311 с. (На диалектах адыгского языка)

Нартхэр 2002 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Мыекъуапэ: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. // *Нарты 2002 – Нарты. Адыгский эпос*. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. (На кабар.яз.)

НПИНА 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.

Покровский 1958 – *Покровский М. В.* Адыгейские племена 18 первой половины 19 века // *Труды института этнографии*. Новая серия. Т. 10. 6. М.: 1958. 122 с.

СМОМПК 1891 – *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 12 // *Разд.: Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски*. Тифлис, 1891. 618 с.

СУС 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука, 1979. 438 с.

С. Хан-Гирей 1978 – *Султан Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 335 с.

Фольклор адыгов... 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.* Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

References

- ADY`GE`UE`RE`DY`ZH`XE`R. Nalshy`k: E`l`brus, 1979. N. 224. // Ady`gskie narodny`e pesni. [Adyghe folk songs]. Nalchik: Elbrus, 1979. P. 67–68/ (In kab/-circ.lang.)
- BGAZHNOKOV B.X. *Bazovy`e principy` i osnovny`e usloviya zaklyucheniya braka* [Basic principles and conditions of marriage]. E`tnografiya ady`gov [Adyghe ethnography]. Nalchik: Elbrus, 2011. P. 307–341. (In Russian)
- GARDANOV V.K. *Obshhestvenny`j stroj ady`gskix narodov* [The social system of Adyghe people]. M.: Nauka, 1967. 330 p. (In Russian)
- DZHANDAR M.A. *Brak i formy` zaklyucheniya braka* [Marriage and forms of marriage] // *Pesnya v semejny`x obryadax ady`gov* [Song in the family rites of Adyghe]. Maikop: Adyghe book publishing company, 1991. 143 p. (In Russian)
- DZHIMOV B.M. *Social`no-e`konomicheskoe i politicheskoe polozhenie ady`gov v 19 v.* [Socio-economic and political situation of the Adyghe in the 18-th century]. Maykop: State book publishing comp. of Krasnodar, 1986. 190 p. (In Russian)
- K`E`BE`RDEJ UE`RE`DXE`MRE`... . *K`e`be`rdej ue`re`dxe`mre` psal`e`zh`xe`mre`* [Kabardian songs, proverbs and sayings]. Nalchik: K`e`be`rdej k`e`ral txy`l` tedzapIe`, 1948. P. 197 // *Kabardinskie pesni, poslovicy i pogovorki* [Kabardian songs, proverbs and sayings]. Nalchik: Kabardian state book publishing comp., 1948. 197 p. (In kab.-circ.lang.)
- MAFEDZEV S.X. *Ady`gi. Oby`chai. Tradicii* [Adyghe. Customs. Traditions]. Nalchik: El-Fa, 2000. 359 p. (In Russian)
- NARTY *Ady`gskij geroicheskij e`pos* [Narts. Adyghe heroic epos]. M.: Nauka, 1974. 416 p.
- NARTXE`R. *Ady`ge`e`pos. T. IV.* [Narts. Adyghe epos. Volume IV] – . My`ek`uape`: Krasnodar k`e`ral txy`l` tedzapI. 1970. 311 n. // Narty`. *Ady`gskij e`pos. T. IV* [Narts. Adyghe epos. Volume IV]. Maykop: State book publishing comp. of Krasnodar, 1970. 311 p. (In adyghe lang. dialects)
- NARTXE`R. *Ady`ge`e`pos.* [Narts. Adyghe epos]. My`ek`uape`: GURIPP Ady`geya, 2002. 319 s. // NARTY. *Ady`gskij e`pos* [Narts. Adyghe epos]. Maykop: GURIPP Adygeya, 2002. 319 p. (In kab-n lang.)
- NPINA. *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe]. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)
- POKROVSKIJ M. V. *Ady`gejskie plemena 18 pervoj poloviny` 19 veka* [Adyghean tribes in 18 the first half of 19 th century] // *Trudy` instituta e`tnografii. Novaya seriya. T. 10-6* [Proceedings of the institute of Ethnography. New series. Volume 10-6]. M.: 1958. 122 p. (In Russian)
- SMOMPK. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Vy`p. 12* [Collection of materials to describe the localities and tribes of the Caucasus. 12-th Issue ] // *Razd.: Kabardinskie predaniya, skazaniya i skazki, zapisanny`e po-russki* [Kabardian legends, tales and fairy tales recorded in Russian language]. Tiflis, 1891. 618 p. (In Russian)
- SUS. *Sravnitel`ny`j ukazatel` syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka* [The comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad: Nauka, 1979. 438 p. (In Russian)
- FOL`KLOR ADY`GOV... . *Fol`klor ady`gov v zapisyax i publikacijax XIX — nachala XX vv.* [Folklore of Adyghe in records and publications of the XIX-th and early XX-th centuries]. Nalchik: Elbrus, 1979. 404 p. (In Russian)
- S. XAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Nalchik: Elbrus, 1978. 335 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, ст.научн. сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Department.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023, одобрена после рецензирования 03.12.2023, принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023, approved after reviewing 03.12.2023, accepted for publication 26.12.2023.